

Губернский детективъ

ЛЕВ БРУСИЛОВ

Черная карусель
братьев Человековых

Губернский детектив. Расследования барона фон Шпинне

Лев Брусилов

**Черная карусель
братьев Человековых**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Брусилов Л.

Черная карусель братьев Человековых / Л. Брусилов — «Эксмо»,
2026 — (Губернский детектив. Расследования барона фон
Шпинне)

ISBN 978-5-04-252000-6

Перед полковником фон Шпинне новая загадка, и действовать ему предстоит в непривычных обстоятельствах... Шестое дело Фомы Фомича. В губернском городе Татаяре совершено новое страшное преступление: убит полицмейстер. Ему отрубили голову, но орудие преступления не нашли. На поиск убийцы брошены лучшие силы города: судебный следователь Сверчков, жандармский штаб-офицер Зинковский и, конечно, возглавляемая бароном фон Шпинне сыскная полиция. Судебный следователь считает, что это уголовное преступление, жандармерия уверена в том, что убийство политическое. Начальник сыскной полиции с выводами не торопится. Кому из этой троицы удастся распутать непростое дело и кто первым установит и схватит убийцу?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252000-6

© Брусилов Л., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лев Брусилов

Черная карусель братьев Человековых

Жене и дочери, тем, кто, несмотря ни на что, верил в меня

© Брусилов Л., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Всадник без головы

Если бы только татарский полицмейстер Свищ знал, чем лично для него обернется визит в полицию двух проворных братьев-близнецов Человековых, то не пустил бы их даже на порог управления, более того, гнал бы визитеров в три шеи до конца улицы Красной, на которой, собственно, это управление и находилось. Но поскольку губернский полицейский начальник не обладал даром ясновидения и даже рудиментами предчувствия, то встретил братьев как родных и почти сразу же полюбил их. Человековы тотчас же располагали к себе любого, кто их видел и слышал в первый раз. Одного брата звали Яков, а другого Ростислав, по отчеству они были Ивановичи. Совершенно неотличимые друг от друга, одинаково одетые, небольшого роста, полнотелые, но не той обременительной полнотой, которая иногда случается у людей, невоздержанных в питании, а полнотой веселой, можно даже сказать радостной. Они, как два скачущих по ступеням мячика, влетели в кабинет Зотика Ефимовича (так звали полицмейстера) и буквально заполнили радостью все его огромное казенное пространство, от двери до самого дальнего пыльного угла. Казалось, что даже поясной портрет государя императора, висящий за спиной полицмейстера, улыбается при виде этих источающих счастье людей.

Надо заметить, что в полицию нечасто приходили подобные типажи, чаще заглядывали плакальщики, чтобы жаловаться. И жаловались они почти всегда на своих соседей. Ведь как устроен наш человек: по его мнению, все люди замечательные, только соседи – сволочи. Ну еще разве что родственники жены, и не знаешь, кто из них похуже. Полицмейстер – мужчина огромного размера, с лысой, без единого волоска головой и большими пегими усами, находящийся в должности вот уже четверть века, до тонкостей знал, как обращаться с этими людьми, что им говорить, что обещать, как быстро от них избавляться, а вот встречать подобных Человековым удалцов ему пришлось впервые. Он был ошеломлен в хорошем смысле этого слова: не понимал, что говорить, как себя вести, только улыбался да мотал головой. Усадил визитеров на кожаные кресла, сам уселся на диван, предложил чаю, но те отказались, мол, дело надобно делать, а чай – это уже потом, а может быть, и не чай, а что-нибудь поувесистей. Деловой подход в особенности понравился полицмейстеру, сразу быка за рога. Он тоже всю свою сознательную жизнь пытался вот так и жить, без предисловий и отступлений, пустых слов и мутных фраз, но, скажем правду, у него не всегда это получалось.

Оказалось, что братья не просто веселые люди, а предприниматели с большими возможностями. Занимались они тем, что ездили по стране и везде, где только им позволяли, строили карусели, затем передавали управление увеселением городским властям, а за собой оставляли двадцать процентов с выручки. И поскольку за их плечами было уже больше сотни каруселей, то доход у Человековых был значительный, можно даже сказать фабрикантский. И вот так сложилось, что в Татаяре не было карусели, почему никто раньше не догадался ее построить – неизвестно.

Братья какое-то время смачно и восторженно рассказывали Свищу, что такое карусель. С их слов получалось, что это не просто какая-то там забава, а самая настоящая загадка и даже, если подумать, волшебство!

– А в чем волшебство? – спрашивал, перебегая глазами с одного одинакового лица на другое, полицмейстер. Он не знал, на каком остановиться, братья говорили в унисон. Думал, что если смотреть на одно, то обидится другое.

Волшебство, со слов Человековых, заключалось вот в чем (полицмейстер никогда об этом не задумывался): на карусели можно проехать сто верст, можно двести, да что там двести... Можно и тысячу! И все по-настоящему, ты не просто едешь, ты мчишься: свист в ушах, ветер

развевает волосы, мелькают виды, а ты на самом деле никуда и не сдвинулся. Эти слова так впечатлили и взволновали Зотика Ефимовича, что он вскочил с дивана и, стуча подковками, зашагал по кабинету. «Это же уму непостижимо, тысяча верст позади, а ты стоишь на месте. Что это, как не волшебство?» – думал он. Правда, Свищ никак не мог найти практического применения этому новому знанию. Похоже это все, конечно же, на волшебство, но волшебство какое-то жульническое, ненастоящее. Однако он гнал от себя подобные мысли. «В чем тут жульничество?» – спрашивал сам себя и не мог ответить, потому как все было в рамках здравого смысла и закона. Ехать долго и в результате никуда не приехать никакими указами и эдиктами не возбранялось.

Перед человеком современным, конечно же, встанет вопрос: а зачем братья пришли к полицмейстеру? И главное, зачем ему это все рассказали? Какая связь может быть между полицией и каруселью? На наш взгляд, никакой, а вот в ту пору, когда, собственно, и происходит действие нашего рассказа, общая полиция отвечала буквально за все. И понятие «следить за порядком» трактовалось широчайшим образом – от исправности пожарной каланчи до надлежащего содержания отхожих и мусорных мест. И за всем этим следила полиция. Да, да, в этом нет никакой шутки и тем более обмана. И чтобы в городе построить карусель, нужно было наперед всего прийти к главному стражу порядка и испросить у него разрешения на устройство такого увеселения.

Полицмейстер дал добро. Правда, возникла некая заковыка. Место, которое братья запросили под карусель, по слухам, которые ранее уже доходили до Зотика Ефимовича, присмотрел для каких-то своих нужд сам губернатор. Впоследствии слухи оказались всего лишь слухами, но полицмейстер ведь этого тогда не знал, поэтому уговорил братьев на другой участок в черте городского парка, под старыми раскидистыми липами. Человековы с радостью согласились.

Сами же братья столкнулись в полиции Татайра с одной насторожившей их странностью. До того все начальники, с которыми им пришлось встречаться в других городах, пристально всматривались не в веселые лица, а не отводили глаз от их карманов. И, так или иначе, прозрачно намекали на некую смазку, без которой, увы, ни одна капризная городская машина не сдвинется с места. Ведь как оно в жизни? На обычной телеге если и есть тормоз, то он один, а вот городская машина сконструирована таким хитрым способом, что у нее тормоза везде: и спереди, и сзади, и с боков. Снизу? Есть! А сверху? Тоже есть. Даже там, где тормоза не должно быть по определению, он имеется. Зачем? Для равновесия. И все эти тормоза требуют к себе внимания. Зная эту особенность административной машины, братья к Свищу явились уже с подношением, разделенным на две половины: одна находилась в кармане Якова, а другая – Ростислава. Братья хитрили, вначале свою половину доставал Яков, часто случалось, этого хватало, а вот если начальник замирал в ожидании, точно козодой на заборе, или более того – кривился, то тут наступал черед Ростислава выложить на стол свою часть.

Татайрский же полицмейстер повел себя иначе, мало того что не запросил смазки, так и сам предложил братьям финансовую помощь, объясняя это тем, что уж больно хочется ему, чтобы в Татайре была карусель. Человековы, конечно, удивились такому повороту, между ними опосля даже разговор был, где один другому высказывал сомнения. «А может быть, ну его, этот Татайр? Что, мало в империи городов больших и малых? Где все понятно, где люди при власти ведут себя соответственно, так сказать, сообразно своему месту. А тут и мзду не берут, и своих денег добавляют. На западню похоже». Думали братья, думали, а потом, как водится у нашего человека, махнули рукой: бог не выдаст, свинья не съест. Правда, во избежание, кабы чего не вышло, денег у полицмейстера сговорились не брать. Зотик Ефимович настаивал, говорил, что так карусель быстрее построится, но братья сказали решительное «нет», убедив полицмейстера, что и без его финансовой помощи сделают все быстро.

Потом они пожалели о своем решении остаться и построить карусель. Даже упрекали друг друга, один настаивал, что он, дескать, говорил – нужно уезжать, а второй возражал, мол, это не ты говорил, а я. Так и спорили, пока не помирились.

Были составлены и получены все нужные бумаги. За это время последний снег сошел, установились приятные, пахнущие весной солнечные дни, земля подсохла, и в конце апреля 1900 года начались работы по возведению увеселения.

У братьев, как выяснилось, были большие планы. Карусель они сооружали капитальную, на каменном фундаменте, так еще в дальнейшем рассчитывали возвести над ней шатер, чтобы увеселением можно было пользоваться не только в теплое время года, но и зимой. Полицмейстеру это чрезвычайно нравилось. Он сторал от нетерпения, бывал на стройке чуть ли не каждый день. Во все вникал, за все брался, сам спускался в котлован, чтобы осмотреть электрическую машину, которая будет двигать карусель, удивлялся ее размерам: «Не маловата ли?» Проверял на прочность карусельных лошадей, похлопывал по их лаковым спинам своими огромными руками: «А выдержат ли? Не сломаются?» «Нет, не сломаются», – заверяли его братья. «Изготовлены лошадики из даурской лиственницы, а это, – утверждали Человековы, – такое удивительное дерево, которому все нипочем, ежели вся Венеция на сваях из этой лиственницы стоит, тот уж тут и подавно все будет хорошо». Ну если Венеция, то ладно.

И вот настал день пуска карусели. Первое августа, среда, в городском саду по этому случаю играл духовой оркестр, да и погода, надо сказать, не подвела: с самого утра светило солнце, радостно пели птицы, видать, и до них дошел слух о карусели, и они слетелись воочию поглядеть на чудо чудное и диво дивное. К одиннадцати часам стала собираться празднично одетая публика. Строгие чиновники городской управы стояли отдельной группкой, заложив руки за спинами, все как один в партикулярных платьях, все как один с торжественными лицами. Сама карусель сверкала лаком, ветер трепал разноцветные флажки, лошади – деревянные, всяких мастей – ожидали седоков. Братья Человековы давали последние распоряжения, следуя их указующим перстам, туда-сюда сновали рабочие, что-то поправляли, что-то уносили, что-то, напротив, приносили, работали метлами, стучали молотками. Один из братьев, Яков, с тревогой осматривал собравшихся и не находил среди них главного – полицмейстера. Именно ему выпала честь разрезать алую ленточку. На серебряном подносе лежали портновские ножницы.

– Может быть, задерживается? – шепотом проговорил Ростислав.

– Может быть, и задерживается, – соглашался с ним Яков.

Бежали минуты, публика стала волноваться, оглядываться, кто-то крикнул из задов:

– А чего стоим, чего не начинаем?

Тогда братья решили сделать пробный пуск без седоков и без перерезания ленточки. Пусть карусель сделает несколько оборотов, а за это время, кто знает, может, и полицмейстер явится. Да и публика успокоится, будет на что смотреть.

Была дана команда работнику, сидящему в небольшой дощатой будке. Работник взялся за эбонитовую ручку рубильника и опустил ее. Заискрили медные контакты, и карусель, к восторгу публики, мягко и совершенно бесшумно тронулась. Однако восторг собравшихся был недолгим.

Карусель сделала пол-оборота, развернулась другим боком, и все увидели, что там находится. Наступила гробовая тишина. Но вскорости ее разрезали дикие, истеричные женские крики.

На одной из проплывающих мимо лакированных лошадок сидел человек без головы. Вся верхняя часть туловища была залита кровью. Руки безжизненно висели. Карусель сделала еще два оборота, пока братья догадались ее остановить. Ростислав кинулся к будке, буквально вытащил из нее оцепеневшего работника и сам поднял рубильник как раз в тот момент, когда обезглавленное тело в очередной раз выехало к посадочной площадке.

– А вот и полицмейстер, – тихо, сам для себя проговорил Яков.

Глава 2

Совет у губернатора

Такого злодеяния губернский город Татаяр еще не знал. Убийство полицмейстера, как писали в газетах, кроваво-талантливое, даже гениальное, средневеково-изощренное, точно заплечных дел мастер Малюта Скуратов восстал из гроба и самолично отрубил голову полицмейстеру. За что? Было, видать, за что, просто так людям головы не отрубают. Крепко пропштафился Зотик Ефимович Свищ, раз послана была ему такая чудовищная кара. Столица губернии гудела, как струны телеграфных проводов на крепком морозе. Догадки, приправленные «достоверными» сведениями от людей знающих, от людей, которые в курсе, от людей, которые сидят там – перст, указующий вверх, – которые не чета нам. А тут еще кто-то с самого утра разбросал по городу листовки зловещего содержания, с угрозами и обещаниями извести под корень всех «сатрапов». Листовки были написаны от руки, с огромным количеством как грамматических, так и орфографических ошибок. Впоследствии выяснилось, что это гимназисты старших классов решили пошутить. Шутка оказалась неудачной, губернатор, когда услышал об этих листовках, шутников велел отыскать и из гимназии отчислить. Это была такая воспитательная акция для тех, кто еще ничего не сделал, но думал.

Что говорили об этом убийстве? Многие во всем винили карусель, мол, это она убила полицмейстера, и настаивали, что неплохо было бы хорошенько ее обследовать, а случится нужда, так и вовсе разобрать проклятую до винтика, вдруг спрятан там внутри какой-нибудь убийственный механизм, вроде этой, французской, как ее там, – гильотины? Вот не было в городе карусели – и что? Жили не тужили! Построили, а она давай людей крошить. Нет, так не годится! Другие, напротив, утверждали, что увеселение тут ни при чем, а во всем виноват несколько месяцев назад наступивший двадцатый век, вот от него вся беда. Нет, не соглашались третьи, двадцатый век здесь каким боком, потому как до первого января 1901 года он еще даже не наступил. Тут, скорее всего, говорили они, замешаны какие-нибудь революционеры, бомбисты... Их хлебом не корми, дай только начальников поубивать...

Вот под всю эту чудовищную какофонию и собрался в кабинете губернатора Протопопова совет с единственной целью – решить, что делать и кто возглавит расследование этого без всякого преувеличения вопиющего происшествия. Кроме губернатора в кабинете находились: прокурор Клевцов, шеф губернского жандармского управления полковник Трауэршван, жандармский штаб-офицер Зинковский, судебный следователь Сверчков – все ожидали от него доклада, ведь это он провел первичный осмотр места преступления, – и помощник трагически погибшего полицмейстера Веретенев. В самом конце огромного стола сидел начальник сыскной полиции барон фон Шпинне. И Трауэршван, и следователь Сверчков неодобрительно поглядывали на барона. Кроме неодобрения в их взглядах еще читалось удивление. «А что он-то здесь делает?»

Судебный следователь встал со своего места. Бледный, взволнованный, одетый в новый темно-зеленый вицмундир по случаю приглашения к губернатору. Черный бархатный воротник уже был присыпан тонким слоем перхоти. Сверчков открыл лежащую перед ним папку, достал из нее листок бумаги и, окинув собравшихся красными от недосыпа глазами, стал читать. Речь его, вначале сбивчивая и негромкая, через мгновение приобрела силу и необходимую в таких случаях монотонность.

Если отбросить канцеляризмы, пустословие и вежливости, доклад его сводился вот к чему: на торжественном мероприятии, открытии в городском саду карусели, произошло ужасное событие, убит полицмейстер Зотик Ефимович Свищ. Вернее, когда именно он был убит, неизвестно, скорее всего ночью, но обнаружили его тело во время торжества. Следователь

отметил некоторые особенности, а именно – труп был привязан к одной из карусельных лошадок, у трупа отсутствовала голова. И, что самое примечательное, голову, сколько ни искали, так и не смогли найти. У Сверчкова не было объяснения, куда она подевалась, но он высказал предположение, что, возможно, голову утащили бродячие собаки, которых в последнее время развелось очень много. При этом следователь бросил быстрый взгляд на помощника полицмейстера Веретенова.

– Почему же сразу собаки? – хриплым голосом возразил тот и приподнялся с места. Маленького роста, в великоватом мундире он выглядел толику комично, однако строгое и даже злое лицо совсем не вызывало желания смеяться. – А вы, господин следователь, разве не допускаете, что голову мог унести с собой убийца? Как мне известно, я ведь тоже вместе с вами присутствовал на месте преступления, пропала сабля Зотика Ефимовича, ножны на месте, а сабли нет! Ее, так же как и голову, не нашли. – Веретенов обвел сидящих за столом пристальным взглядом, затем посмотрел на следователя, и в глазах его читалось ехидство. – Ведь не будете же вы утверждать, что ее утащили бродячие собаки?

Среди собравшихся послышались смешки, улыбнулся даже начальник сыскной и присмотрелся к помощнику полицмейстера.

– Нет, этого я утверждать не буду, – заявил следователь и, повернувшись к угрюмо молчавшему губернатору, сказал: – Это было всего лишь предположение. Я согласен с господином Веретеновым – и саблю, и голову мог унести убийца. Просто мне непонятно, – Сверчков перевел взгляд на помощника полицмейстера, – зачем убийце голова? Сабля да, может пригодиться, а вот отрезанная голова... – На лице следователя отобразилось сомнение.

– А почему вы решили, что убитый – это полицмейстер Свищ? – задал неожиданный для присутствующих вопрос шеф жандармов Трауэршван. Белобрысый, гладко причесанный, с рыжеватыми подкрученными усиками и пронизательными глазами, он медленно перевел взгляд на следователя, затем на губернатора. Протопопов вздрогнул, сам он об этом и не думал. Собравшиеся молчали, а Трауэршван продолжил:

– Головы нет, а без головы как мы можем утверждать, что это полицмейстер?

Это был резонный вопрос, но у следователя Сверчкова имелся ответ. Он порылся в своей папке и через несколько секунд вынул бумагу, поднял ее, поводит из стороны в сторону и тихо сказал:

– То, что тело без головы принадлежит именно полицмейстеру Свищу, утверждаю не я, а доктор Викентьев. Вот его заключение, где сказано, – следователь поднес бумагу к глазам и для пущей убедительности ткнул в нее пальцем: – У Зотика Ефимовича Свища был ножевой шрам в правой поясничной области, вот здесь... – Сверчков коснулся спины и торжествующе глянул на шефа жандармов, тот в ответ только улыбнулся. – И еще большой жировик под левой лопаткой. Доктору это все известно, потому что убитый при жизни наблюдался у него. А не верить доктору по крайней мере у меня нет никаких причин...

– Но и доктор может ошибаться, – ни на кого не глядя, хмыкнул Трауэршван, ему было неприятно слушать слова следователя. «Да, – мелькнуло в голове жандармского начальника, – недооценил я этого Сверчкова...»

– Ошибаться может каждый, – заметил до того молчавший губернатор и жестом предложил следователю садиться. – И вы, уважаемый Александр Генрихович, – он махнул рукой в сторону шефа жандармов, – и я, – коснулся своей груди, – и, конечно же, доктор. Но мы здесь собрались не для того, чтобы спорить, а для того, чтобы выработать план действий. Я предлагаю, пока у нас нет никаких веских оснований считать иначе, исходить из того, что убитый – это Зотик Ефимович Свищ, опираясь, разумеется, на заключение доктора Викентьева. Я думаю, со мной все согласятся, или есть возражения? – он окинул взглядом собравшихся.

Возражений не было, да и не могло быть. Всем и без заключения доктора было понятно, что убитый – полицмейстер. Человек такого роста и такого сложения был в Татаяре один, ну,

если не брать в расчет околоточного надзирателя Бибикова, но тот был жив-здоров и даже участвовал в снятии тела убитого с карусельной лошадки. Трауэршван все понимал, просто ему хотелось возразить, и он возразил.

– Что вы еще можете добавить, господин следователь? – Протопопов обратился к Сверчкову.

– Еще пропал электромеханик Суматохин... – Сверчков снова вскочил.

– Это кто такой и почему мы должны знать о его пропаже? – спросил Протопопов.

– Суматохин отвечал за работу электродвигателя, который крутит карусель. Суматохина часто видели рядом с полицмейстером, когда последний навещал строительство увеселения. Они вели какие-то беседы...

– А вы хорошо его искали, этого механика? – продолжил допытываться Протопопов. Следователь ответил не сразу, замялся, было похоже, что Сверчков не до конца понимал, что значит «хорошо искали».

– Ну, – начал он медленно, – мной были отправлены стражники по месту жительства. Суматохин снимал комнату в доходном доме на улице Пряжкиной...

– Господин Сверчков, это все лишнее, – оборвал следователя Петр Михайлович. – Что вы еще предприняли для поиска механика?

– Да... – следователь запнулся и, виновато опустив глаза, добавил: – Собственно, больше ничего.

– Больше ничего, – в задумчивости повторил за Сверчковым губернатор.

В кабинете повисла тишина, но ненадолго, через мгновение раздался скрипучий голос барона фон Шпинне:

– Ваше превосходительство, если позволите, у меня есть вопрос к следователю...

– Да-да, конечно, Фома Фомич, задавайте! – энергично кивнул губернатор.

Все развернулись к начальнику сыскной полиции, кроме полковника Трауэршвана, тот демонстративно смотрел в другую сторону, изобразив на лице пресную, как церковная просфора, мину. В руках Фомы Фомича появился небольшой блокнот с пружиной – изобретение американского писателя Марка Твена – и тонкий карандаш. Барон поднял голову и взглянул в лицо следователя:

– Скажите мне, уважаемый господин Сверчков, у вас, конечно, не было времени опросить квартирную хозяйку, а стражники не задавали ей, случаем, никаких вопросов?

– Отчего же, – слегка повел подбородком следователь, – спросили, где ее жилец.

– И что она ответила?

– Что его нет дома.

– И более ничего? – Начальник сыскной смотрел на Сверчкова почти ласково, и на лице его было такое выражение, будто он с радостью примет любой ответ.

– Она сказала, что Суматохин как уехал вчерашним вечером, так и не вернулся...

– Уехал? Так, так... На чем, на пролетке? – Начальник сыскной перебросил листки своего блокнота, разделив его где-то пополам, и сделал карандашом быструю пометку.

– Да, – кивнул следователь. – Хозяйка сказывала, что за ним кто-то заехал...

– Кто? – тут же спросил Фома Фомич. Сверчков пожал плечами:

– Да они не спрашивали, кто-то заехал, вот и все, – проговорил Сверчков с некоторым недоумением, мол, «а чего вы хотите от стражников? Это очень хорошо, что они вообще хоть что-то спросили, а то могли бы и не спросить».

Начальник сыскной еще что-то записал, закрыл блокнот и всем своим видом показал, что больше вопросов у него нет. В беседу снова вступил губернатор:

– У вас есть что еще нам доложить, господин Сверчков?

– Да! Еще стражники по моему указанию наведались в дом полицмейстера, чтобы сообщить жене о печальном событии, но ее тоже не оказалось дома. Кухарка... прошу прощения, не знаю, как ее зовут...

– Это сейчас неважно, – отмахнулся губернатор, – что сказала кухарка?

– Что жена полицмейстера, прошу прощения, теперь уже вдова, еще накануне... события отбыла к своей тетке в соседнюю губернию. Было это, если мне не изменяет память, тридцатого июля...

Начальник сыскной снова открыл блокнот и сделал пометку. Трауэршван скривил тонкие губы, прочие сидящие за столом даже не обратили на это внимания.

– Это все? – губернатор скорее утверждал, чем спрашивал.

– Все! – кивнул следователь.

– Ну что же, господа, – губернатор выбрался из-за стола. – Вы присаживайтесь, – махнул рукой Сверчкову. – Господа, наш долг – отыскать убийцу полицмейстера, и сделать это, как вы понимаете, нужно в кратчайшие сроки. В противном случае нас не поймут ни здесь, – он указал обеими руками в сторону окна, что должно было означать Татаяр, – ни там, – губернатор ткнул пальцем в потолок; что это означало, было понятно всем без разъяснений. – Нам нужно решить, кто возглавит следствие, будет это судебная управа, – он посмотрел на Сверчкова, тот едва заметно кивнул; затем перевел взгляд на полковника Трауэршвана, – либо жандармское управление.

После небольшой речи губернатора поднял руку прокурор Клевцов, давая тем самым понять, что у него есть что сказать.

Прокуроры – странные люди. С одной стороны, все их знают, много раз про них слышали, а с другой, видеть прокурора воочию мало кому приходилось. Отсюда возникает иллюзия о почти былинном всемогуществе этого чиновника.

Лицом Клевцов был невыразителен, но шитый серебром вицмундир придавал ему строгости и важности. Он встал, чуть поддернул рукава и мягким голосом сказал следующее:

– Ваше превосходительство, в данном деле у нас возникает некая правовая коллизия...

– Что еще за правовая коллизия? – спросил, резко подавшись вперед, губернатор. Он был человеком военным, словарный запас его содержал такие термины как: тактика, стратегия, рекогносцировка, наконец, а вот коллизии там не было. Само слово его не пугало, но он интуитивно чувствовал, что за ним прячется какое-то, мягко говоря, неприятное уточнение.

Глава 3

Правовая коллизия

– У нас произошло убийство, – трагичным голосом начал прокурор и сложил руки ладонями точно перед молитвой. – Убийство страшное и, надо сказать, необычное...

– Так в чем коллизия? – прервал Клевцова губернатор, который, как человек военный, любил краткость.

– А коллизия вот в чем, – поклонился в сторону Протопопова прокурор. – Полицмейстер в одно и то же время является и государственным чиновником, и обычным подданным...

– Ну и... – Губернатор потер подбородок, ему еще до конца не было понятно, что хочет сказать Клевцов.

– Если полицмейстера убили с целью грабежа, или, например, ревнивый муж, или еще что, то это обычное преступление, которое должны расследовать по части окружного суда, то есть это дело господина Сверчкова. – Он выразительно посмотрел на сидящего рядом с ним следователя. Тот после этих слов, почувствовав свою важность, выровнял спину, приосанился.

– Так! – мотнул головой губернатор.

– А если полицмейстер был убит какими-нибудь заговорщиками, революционерами, социалистами, убийство было запланировано и осуществлено как террористический акт, то это преступление можно считать политическим, а значит, расследованием должен заниматься корпус жандармов в лице уважаемого полковника Трауэршвана... – Прокурор и шеф жандармов обменялись легкими поклонами, а затем Александр Генрихович глянул на следователя и криво ухмыльнулся.

– И в чем состоит коллизия? – строго спросил губернатор. Ему почему-то казалось, что прокурор просто отнимает время.

– В том, что нам на сегодняшний день, – Клевцов вяло улыбнулся, – неизвестно, кто убил полицмейстера, а значит, мы не можем решить, кто будет вести расследование: судебная управа или корпус жандармов.

– И как нам быть? – спросил, глядя на прокурора, его превосходительство.

– Ну... – Клевцов развел руки, а затем снова соединил ладони и сказал универсальные в подобных случаях слова: – Нужно подумать...

– У кого-нибудь есть на этот счет мысли? – Губернатор медленно переводил взгляд с одного мрачного лица на другое и в конце концов остановил его на полковнике фон Шпинне, точно его вопрос был адресован именно начальнику сыскной полиции. Фома Фомич не заставил себя долго ждать, побарабанив пальцами по лежащему перед ним блокноту, встал и, обращаясь к губернатору, сказал:

– Я сталкивался с подобной коллизией и думаю, что ее можно легко разрешить...

– И как же? – Петр Михайлович чуть подался вперед, но в глазах его читалось недоверие. Трауэршван – так тот и вовсе издал звук, который был похож на фыркание лошади.

– Если, – начальник сыскной посмотрел вначале на шефа жандармов, затем на следователя Сверчкова, – стороны не будут возражать, то возможно объединить их усилия и создать совместную следственную группу. Мне кажется... Да нет, я просто уверен, что они быстро определят, политическое это убийство или уголовное. А потом расследованием преступления займется соответствующее ведомство. – Начальник сыскной замолчал, давая возможность собравшимся осмыслить его слова. Первым высказался губернатор.

– Блестяще! Это решит возникшие перед нами сложности...

– А кто, позвольте, возглавит группу? – нетерпеливо спросил шеф жандармов. Как бы там ни было, как бы он ни относился к начальнику сыскной, предложение ему понравилось.

– Кто возглавит? – Петр Михайлович, глядя перед собой, задумался: – Кто возглавит, кто возглавит... Думаю, что здесь двух мнений быть не может, возглавит тот, у кого выше звание и выше должность, а это полковник Трауэршван! – губернатор прихлопнул по столу ладонью, тем самым ставя точку в этом вопросе. – Думаю, вы, господин Сверчков, возражать не будете? – приподняв брови, посмотрел на следователя.

– Да... – Сверчков вскочил со своего места. – Я и сам хотел предложить шефа жандармов, но вы, ваше превосходительство, меня опередили.

– Вот и замечательно, – губернатор снова прихлопнул по столу, но на этот раз уже двумя руками.

– А как мы поймем, что это был именно террористический акт? – спросил, ни на кого не глядя, Трауэршван.

Петр Михайлович с недоумением смотрел на шефа жандармов. «Это шутка?» – читался немой вопрос в его глазах. Губернатор не совсем хорошо знал Трауэршвана, поэтому и удивлялся такой постановке вопроса. А дело было вот в чем: шеф жандармов, несмотря на значимую должность и почти генеральское звание, никогда в своей жизни с настоящими террористами не сталкивался. Ну, так получилось. За его плечами были разгоны вполне мирных митингов, задержание собиравшихся на маевки рабочих, облавы на замаскированные под именины студенческие кружки. Никто из тех, с кем Александру Генриховичу приходилось иметь дело по службе, не угрожал ему оружием.

Хотя был один случай, был...

Однажды на него навели пистолет, и, признаться, полковник сильно напугался, даже повел себя не совсем пристойно – закричал, и не грозно, а визгливо, по-бабьи, спрятался за спиной жандарма. Потом выяснилось, что пистолетом был «Лепаж» из дедушкиной коллекции одного из студентов, который тот таскал с собой для форса, чтобы производить впечатление на гимназисток старших классов. «Лепаж» был не заряжен и со спиленным бойком. Случай этот полковник старался забыть, и ему это, надо сказать, почти удалось.

Начальник сыскной понял, что возникло некоторое замешательство, и решил поправить дело, встал и, взмахнув рукой, сказал:

– Думаю, что заговорщики, если таковые существуют, сами нам сообщат об этом... – Все молча усталились на фон Шпинне, и тот пояснил свои слова: – Отрицать всякую вину принято у уголовного элемента, тех пока не припрешь, что называется, к шершавой стенке, не скажут ни слова. А вот политические, напротив, берут на себя содеянное. В нашем случае убийство громкое, и они постараются заявить о своей причастности. В ближайшее время в городе должны будут появиться прокламации, в которых самым подробным образом будет сообщено, кто и за что убил полицмейстера.

– Вы полагаете? – спросил несколько озадаченный Протопопов.

– Да!

– А если никаких прокламаций не появится? – допытывался губернатор.

– Значит, это, скорее всего, уголовное дело, из мести или корысти. Правда, в этом деле существует еще одна опасность...

– Какая? – спросил, поджав губы, Петр Михайлович.

– Политические могут взять на себя это убийство, даже если не совершали его...

– Зачем это им? – удивился губернатор.

– Затем, что убийство громкое, я бы даже сказал, почетное, ну, для них, разумеется, устоять от желания прославиться за счет этой смерти им будет крайне трудно, – он сделал паузу. – Но в любом случае нужно создавать объединенную следственную группу. Без этого никак! – закончил свой монолог начальник сыскной.

– Хорошо, – кивнул Протопопов, – на том и порешим. Расследованием от жандармов, я так понимаю, будете заниматься вы? – губернатор указал рукой на Зинковского. Тот поднялся и поклонился, не проронив при этом ни слова.

Зинковский был высок ростом, упитан, имел темные непослушные волосы и пытливый, даже подозрительный взгляд. Лицом не красавец, хотя, по представлениям Протопопова, офицер, какому бы ведомству он ни принадлежал, должен быть красив не лицом, а выправкой. Иной, если глядеть на него с точки зрения привлекательности, совсем в этом роде неудачный, а выйдет на строевой плац да пройдет парадным шагом, сапоги сверкают, спина прямая, как деревянная линейка у начальника штаба, взгляд орлиный... Ну чем не красавец?

– Завтрашним днем, – продолжил губернатор, – в это же время мы снова соберемся, но уже в ограниченном составе, то есть жандармерия, судебное следствие, ну и вы, господин Веретенев. А пока не смею вас больше задерживать, думаю, у всех имеются дела, да и у меня тоже... накопилось... – Петр Михайлович замолчал, наморщился, раздумывая, не забыл ли чего. Потом прихлопнул себя по собравшейся гармошкой коже лба. – Фома Фомич, я вас так и не расспросил об этом деле, как его бишь? – пощелкал пальцами. Начальник сыскной, стоящий уже в двери, неторопливо развернулся, лицо его не выражало ровным счетом ничего. А вот на лицах прочих читался интерес.

– Вы, ваше превосходительство, очевидно, имеете в виду дело о шелковом платке? – Фома Фомич вернулся в кабинет.

– Да, да! – радостно закивал губернатор. – С этими хлопотами совсем вылетело из головы. И вы мне тоже не напомнили...

– Я думал, сейчас неподходящее время, убийство полицмейстера... – начал полковник фон Шпинне, но Петр Михайлович тотчас же прервал его.

– Время – такая вещь, оно всегда неподходящее, вернитесь и в подробностях мне все расскажите, что за срок с нашей последней встречи было сделано сыскной полицией. А вы, господа, – он перевел взгляд на столпившихся в приемной участников совещания, – можете идти и не забывайте, что завтра в это же время я вас жду здесь.

После чего Петр Михайлович попросил секретаря, который протиснулся между шефом жандармов и штаб-офицером, проводить гостей и затворить дверь в кабинет.

– Что это за дело с шелковым платком? – спросил губернатор начальника сыскной после того, как секретарь затворил дверь и шум в приемной стих.

– Да нет никакого дела, – отмахнулся тот. – Это я только что придумал, чтобы избежать неловкости. Ведь вы меня задержали, как я понимаю, из-за убийства полицмейстера?

– Да-да! – кивнул губернатор и указал на стул у своего стола. – Присаживайтесь, Фома Фомич. Ловко вы придумали – дело о шелковом платке.

– Ну, это первое, что пришло мне на ум, – проходя и присаживаясь на предложенный стул, как бы оправдался начальник сыскной.

– Нет-нет, я не в претензии, ни в коем случае, просто не хотелось всяких кривотолков, домыслов, а зачем губернатор оставил у себя в кабинете начальника сыскной, какие такие у них разговоры? Зачем нам это? Незачем! И потому, чтобы в дальнейшем не вызвать ни у кого никаких подозрений, я предлагаю дело об убийстве полицмейстера в наших с вами разговорах называть делом о шелковом платке. Вы не возражаете?

– Ни в коем случае! – сказал Фома Фомич и откинулся на спинку стула, он так понимал: разговор будет долгим, – но сделал вид, что до конца не может сообразить, какие у них с губернатором будут разговоры об убийстве Свища.

Глава 4

Дело о шелковом платке

– Надеюсь, вы догадываетесь, зачем я вас задержал? – спросил Петр Михайлович, выбрался из-за стола и уселся напротив фон Шпинне. Лицо начальника сыскной было бесстрастным, потому как губернатор задал риторический вопрос и совсем не ждал на него ответа. А Петр Михайлович тем временем продолжал: – Не буду ходить вокруг да около, скажу, как привык, прямо. Я не совсем уверен, что жандармерия и судебное следствие должным образом справятся с расследованием убийства полицмейстера. Я, конечно, в ваших сыскных делах, можно сказать, младенец, но даже мне представляется, что это дело непростое. И, говоря «непростое», я, конечно же, смягчаю. Нет, вы, Фома Фомич, не подумайте, что я им не доверяю, вовсе нет, – поняв, что сказал не то, стал неуклюже оправдываться Протопопов. – И судебный следователь Сверчков, и полковник Трауэршван – люди, безусловно, достойные, но... – Он замолчал, подбирая нужные слова. – Но в некоторых... моментах очень увлеченные. Опасаюсь, что каждый из них будет гнуть свою линию и в конце концов все закончится руганью, а такой поворот совсем не на пользу расследованию. И мне было бы намного спокойнее, если бы... – Губернатор потер рука об руку, как делают, когда стынут пальцы. – Если бы вы, уважаемый Фома Фомич, тоже занялись этим убийством, – произнес, несколько даже смущаясь.

– Полуофициально? – спросил начальник сыскной.

– Да! – обрадованно кивнул Петр Михайлович. – Это как раз то слово, которое я хотел сказать. Со своей стороны обещаю вам всяческую поддержку и, если понадобится, прикрою вас от ненужных вопросов. А теперь, мне кажется, у вас есть что мне сказать по поводу этого загадочного убийства. Ведь так?

– Да, ваше превосходительство, у меня имеются некоторые соображения, и я их, с вашего позволения, выскажу.

– Разумеется! – губернатор кивнул и благостно улыбнулся. – Ничего другого я от вас и не ожидал.

– Сам я не был на месте преступления, – начал фон Шпинне, – и не потому, что счел это неважным, а чтобы не вызвать неприязнь со стороны судебного следствия...

– Понимаю, – губернатор выставил вперед правую руку и медленно опустил ее.

– Как только до сыскной полиции дошла эта печальная весть, я послал туда своего чиновника особых поручений Кочкина...

Справедливости ради должны сказать, что все было не совсем так. Начальник сыскной не посылал на место преступления своего помощника. Меркурий Фролыч Кочкин еще накануне отпросился у Фомы Фомича, чтобы сходить на открытие карусели, и таким образом случайно оказался в самой гуще событий. Он смог еще до прибытия полиции и судебного следователя Сверčkова со всей тщательностью осмотреть место преступления.

– Мне всегда нравилась ваша поистине армейская оперативность! – похвалил Фому Фомича губернатор.

Начальник сыскной ступил на зыбкую почву, потому как нельзя было проговориться, что Кочкин оказался на месте преступления раньше. Но Фоме Фомичу это было, что называется, не впервой: путать, водить за нос и при этом самому не запутаться. Фон Шпинне считал уловки неотъемлемой и даже обязательной частью сыскной работы.

– Когда Кочкин прибыл на место происшествия, тело уже сняли с лошадки и положили на помост перед каруселью. Из разговоров полицейских, которые снимали труп, он услышал, что ноги полицмейстера были связаны между собой кожаными вожжами и при этом использовались мудреные узлы...

– Что еще за узлы? – губернатор заметно напрягся. Все непонятное всегда приводило его в краткосрочное замешательство.

– Стражники, которые снимали тело, не смогли развязать эти узлы и потому разрезали путы... – Начальник сыскной еще не договорил, а Протопопов снова его перебил:

– И что это нам дает?

– Многое. Мой чиновник особых поручений разбирается в морских узлах... Он узнал «артиллерийский узел», или выбленочный. Его применяли на флоте для крепления орудий. Не могу исключать, что он использовался и в армии...

– Повторю свой вопрос: и что это нам дает? – Губернатор повернул голову к окну и искоса глянул на фон Шпинне.

– Человек, который привязывал полицмейстера к лошадке, скорее всего, имел отношение либо к флоту, что вероятнее всего, либо к армии.

– Так-так-так... – Петр Михайлович в задумчивости побарабанил указательным пальцем по нижней губе, заерзал, удобнее устраиваясь на стуле. – А как так получилось, что полицмейстер, человек, судя по всему, огромной силы, позволил усадить себя на карусельную лошадку? – Вопрос губернатора был созвучен с теми вопросами, которые задавал себе начальник сыскной. Первое, о чем он подумал после того, как Кочкин доложил ему о происшествии: как преступнику удалось обездвижить Зотика Ефимовича? Ведь со слов того же Кочкина, на теле не наблюдалось признаков борьбы – ни порванного мундира, ни ссадин, ни порезов на руках.

– Возможно, его оглушили, – проговорил после некоторой заминки начальник сыскной. – Подкрались сзади и ударили чем-нибудь тяжелым по голове. Полицмейстер потерял сознание, а может быть, оставаясь в памяти, не мог сопротивляться. Но мы, к сожалению, этого уже не узнаем.

– Но в таком случае на голове должна быть рана, а следовательно почему-то этого не упомянул... – сказал губернатор и запнулся. – Что? – Петр Михайлович с удивлением уставился на фон Шпинне: – Я что-то не то сказал? Почему вы улыбаетесь?

Начальник сыскной молчал, давая губернатору возможность самому догадаться о причинах своей улыбки.

Протопопов метался глазами из стороны в сторону. Затем еще раз, но уже медленно повторил:

– Если полицмейстера оглушили ударом по голове, то там должна быть рана! Я ведь прав?

– Да, ваше превосходительство, вы правы, я тоже так думаю, – мягким голосом соглашался с губернатором Фома Фомич. – Более того, я в своих рассуждениях пойду дальше, полицмейстера могли этим ударом убить. А уже мертвого усадить на лошадку и привязать к ней...

– А голову ему отсекали уже мертвому... – продолжил мысль губернатор. – Ну что же, вполне... И это объясняет, почему полицмейстер не оказывал никакого сопротивления. – После каждого произнесенного слова Протопопов медленно поднимал и опускал руку с выставленным указательным пальцем, точно задавал необходимый ритм своим словам. – Однако почему Сверчков не упомянул о ране на голове... Погодите, Фома Фомич! – Губернатор замолчал, с недоумением глядя на фон Шпинне, затем догадка озарила его лицо, и он смущенно прикрыл глаза ладонью. – Головы-то нет! – проговорил, не отнимая руку от лица. – Позор! Но и вы, Фома Фомич, тоже хороши, нет бы поправить меня в самом начале... – Губернатор встал и пересел за свой стол и тут же, чтобы как-то сгладить неловкость, принялся размышлять: – Так поэтому преступник и забрал голову полицмейстера с собой...

– Да, – кивнул начальник сыскной, – чтобы запутать следствие. И еще, – Фома Фомич провел рукой по подбородку, – мне кажется, преступников было несколько...

– Я тоже так думаю, – согласился с полковником губернатор. – Ведь чтобы поднять такую тушу, прошу прощения за просторечие, нужно как минимум три, а то и четыре человека. В полицмейстере было, наверное, центнера полтора, если не больше.

Губернатор задумался: шурил глаза, водил головой из стороны в сторону, машинально поправлял манжеты мундира, кривил губы и время от времени бросал быстрые взгляды на фон Шпинне, а затем проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.